

— Так что ты правда можешь засунуть в толстую кишку предмет длиной 80 сантиметров?

— Правда, в общем-то, да...

Хоть он уже и свыкся со странными вещами, но когда прямо перед тобой садится неземной красоты человек и подтверждает, что это возможно, — это совсем другой шок.

— У тебя там... всё в порядке?.. — Сяо Лю потирал лоб, не желая принимать реальность... С этим человеком перед ним всё точно нормально?

— А, я тебе говорю, люди куда крепче, чем пишут в книгах. Я сейчас в полном порядке, даже не знаю, то ли я такой выносливый, то ли просто молодой... — Сяо Ван закончил и даже приподнял футболку, взглянув на свой живот. Подтянутый, с рельефными мышцами, тонкий стан — явно результат очень строгих тренировок, не то что просто худоба Сяо Лю.

— Когда вставляешь 80 сантиметров, чувствуешь, как предмет доходит вот сюда. — Сяо Ван ткнул пальцем в верхнюю правую часть живота. Челюсть Сяо Лю чуть не отвисла.

— Ты и правда любишь вписывать реальность в свои рассказы... — Может, это фантомная боль от давления Додо на живот, но Сяо Лю даже не знал, как комментировать чёрную дыру в текстах «Соломенной собаки».

— О, тогда могу сказать, что и то, что от очень крупного предмета живот выпирает бугром, — тоже правда...

— Ты колоноскопию делал?.. — Даже у Сяо Лю с его высоким порогом терпимости уже крыша начинала ехать...

— Всё прошёл, погоди. — Сяо Ван покопался и вытащил пачку обследований:

— Тогда всё проверили, всё здоров, и на ВИЧ тоже, всё чисто... Всё-таки мой дядя медик, так что я о безопасности забочусь... После аварии я уже два года веду аскетичный образ жизни... Должно быть, всё вернулось к обычным показателям...

Услышав слово «безопасность», сердце Сяо Лю ёкнуло. Но, пролистав результаты анализов, он убедился, что вроде бы всё нормально.

Теперь Сяо Лю не знал, чему больше удивляться: тому, что его кругозор снова расширился, или тому, что перед ним отличный живой образец. Он даже задумался о покупке специальной книги по кишечнику для изучения...

Как раз в этот момент зазвонил телефон Сяо Вана. Тот поднял трубку, только крикнул «дядя!», как из неё раздался оглушительный рёв:

[Щенок! Как ты умудрился скрежетать зубами по ночам так, что тебе к врачу пришлось идти?! Уж точно не из-за какой-то другой болезни! Я же тебе говорил — не держи в себе, пора бы уже действовать, разберись с ним... Смотришь, ты весь извелся от неудовлетворённости, каждый день меня изводишь, а я ведь тоже не могу тебя трахнуть... Дай номер своего мужчины, а то я сам с ним поговорю... Умоляю, отпусти меня...]

— Щёлк. — Сяо Ван бросил трубку и побледневшим лицом уставился на Сяо Лю. Тот, очевидно, всё слышал.

Сяо Лю развёл руками:

— Я ничего не слышал.

— Врать-то не умеешь, конечно, слышал.

— Ладно, слышал. И что теперь делать будешь?

— Ребёнок, который подслушивает, должен быть наказан.

— Тем более что ты подслушал уже дважды...

— Я не... Я нет...

— Неважно, ты всё равно услышал... Я тебя накажу!

— Поцелуй меня.

— Пёсик, не надо же... Договорились остаться однокурсниками... — Сяо Ван обхватил шею Сяо Лю и потянул вниз. Тот изо всех сил сопротивлялся, чувствуя, как шея вот-вот сломается.

— Ничего, обещания для того и существуют, чтобы их нарушать. Давай. — Сяо Ван провёл пальцем по подбородку Сяо Лю и сам потянулся губами вверх.

В тот миг, когда они вот-вот должны были соприкоснуться, Сяо Ван закрыл глаза, но почувствовал, что его губы коснулись чего-то мохнатого.

Открыв глаза, он увидел Додо, смотрящего на него с отвращением.

— Ты... что это делаешь? — Увидев Сяо Лю, держащего Додо, у Сяо Вана кровь бросилась в голову.

— Я только что поцеловал Додо, пусть он меня заменит. Если не подойдёт, есть ещё Юю. — Сказав это, Сяо Лю свистнул Юю, и та, высунув язык, приняла вид «я всегда готова».

— Лю Ю!!!

Под рёв Сяо Вана Сяо Лю снова схватил кота и умчался.

За обедом, съев порцию прозрачного котелка, Сяо Ван заметил, что Сяо Лю ест очень пресно, не любит приправ, ему достаточно просто отварить в воде.

После еды немного вздремнули, а затем Сяо Вану устроили решение задач — ведь ему предстояла передача, и Сяо Лю следил за ним строго.

В воскресенье после полудня, естественно, нужно было возвращаться в университет на вечернюю проверку. Когда Сяо Лю и Сяо Ван, навьюченные грудой книг, вернулись в общежитие, все взорвались. Многие никогда не видели столько оригинальных изданий.

Толпа собралась в комнате старосты. После обсуждения все согласились с предложением Сяо Лю: эти оригинальные книги будут храниться у старосты, а кто захочет почитать — сможет взять их.

— Сначала договоримся: эти книги Сяо Ван с огромным трудом раздобыл и пожертвовал

классу. Иностранные книги дороги и редки, так что все, пожалуйста, берегите их. Давайте поблагодарим Сяо Вана. — Староста Бухэ был очень серьезным человеком. Хотя и не самым умным, но невероятно усердным, простым и честным. Все его слушались. Раз староста сказал, все согласно закивали и на словах поблагодарили Сяо Вана.

— Что вы, что вы, все мы однокурсники и товарищи, должны учиться и прогрессировать вместе. — Даже сам Сяо Ван удивился, что способен на такие слова. За этот год он сильно изменился.

Однако Сяо Ван всё равно не понимал, зачем Сяо Лю отнёс книги в комнату старосты.

— Потому что ты вечно там тайком жрёшь снеки, и я боюсь, что однажды открою дверь, а нас увидят. К тому же, нам не мешает почаще заглядывать в другие комнаты.

— А тебе не будет неудобно читать? — Что касается извилин Сяо Лю, Сяо Ван им покорялся.

— Чужие книги всё равно нельзя портить или писать в них, так что где бы они ни лежали — разницы нет. Наоборот, брать их почитать будет быстрее, а нужную информацию я и так записываю.

У Сяо Лю была особенность: книги, которые он прочитал, было страшно открывать. Не из-за небрежности, а потому что Сяо Лю привык максимизировать эффективность книги.

В отличие от обычных студентов с рюкзаками, они с Сяо Ваном обычно носят портфели, куда много книг не влезет. Когда у Сяо Вана уже заболели руки от усталости, он обнаружил, что Сяо Лю расчленил книги — брал с собой только нужные в данный момент части, как конспекты. И на каждой странице таких конспектов он аккуратно выделил разными цветами нужное.

Сяо Лю не любил пользоваться тетрадями, все его заметки были прямо на страницах книг, густо и мелко. Хотя Сяо Лю и был высоким, с крупными руками, он умел шариковой ручкой писать очень мелко и аккуратно, почти печатными иероглифами, как в миниатюрном словаре.

Сяо Ван попробовал прочитать пару страниц — глаза разбежались, и он не понимал, как Сяо Лю умудряется не посадить зрение.

Такой метод ведения записей Сяо Лю однажды высмеял Лу Цин:

— Сяо Лю, ты делаешь заметки, как девчонка, такая аккуратность.

— А, если «быть девчонкой» означает, что человек делает всё тщательно и ответственно, то это хорошо, это добродетель. Мне нравится, спасибо за комплимент.

Лу Цин хотел задеть Сяо Лю, но сам попал впросак и, почувствовав неловкость, сбежал.

— И как тебе только язык поворачивается... — Позже, обсуждая этот случай с Сяо Ваном, тот немного завидовал спокойствию Сяо Лю. Сам Сяо Ван выбрал художественный вуз именно потому, что с детства устал от ярлыка «девчачий». Сяо Ван — лицо красивое, нежное — девчачий; делает всё очень внимательно — девчачий; любит петь и танцевать — девчачий; любит выражать чувства словами — девчачий. В общем, даже его родной отец считал его девчонкой.

— Я не вижу в этом проблемы. Внимательность, терпеливость, забота, эмпатия, сострадание,

умение систематизировать, поддерживать порядок — всё это должно быть у каждого, включая чувство ответственности. Но у нас делают упор только на технические навыки — это неправильно. Пациенты — люди, у них есть свои чувства, даже кошки и собаки, когда болеют, чувствуют себя обиженными и несчастными... а уж люди и подавно. Врач без эмпатии — это страшно. Если такие прекрасные качества считаются уничижительными, то те, кто исчезает при любой физической работе, а потом лезут с советами задним числом, — это мусор. — Закончив, Сяо Лю отложил книгу и тяжело вздохнул.

— Кстати... твоя дипломная работа тоже об этом?

— Да. У студентов-медиков нужно развивать гуманитарную грамотность. В медицине быстрота, точность, жёсткость и богатая эмоциональная сфера не противоречат друг другу. Правильное воспитание чувств углубляет память и пробуждает интерес. Но... научный руководитель считает, что такая точка зрения не соответствует мейнстриму, и заставил меня переделать. Хотя, если всё делать одинаково, то какой смысл вообще писать дипломную?

<http://bllate.org/book/15613/1393917>